

— **В**ыходит, Француз — это ты.

В ответ он слегка опускает голову. Меня обжигает враждебный взгляд, в котором читается презрение.

— Ты не могла бы не называть меня так? — В каждом его слове слышится сильный акцент, подтверждающий то, что я и так о нем знаю.

Доминик редко говорил — если вообще говорил — по-французски, что и вызвало у меня подозрения касавшие его прозвища. Но оно очень подходит стоящему напротив мужчине и окружающей его ауре.

Я внимательно оглядываю мужчину и вижу, как по виску стекает капелька пота. Стоит похвалить портного, который пошил для него костюм, достойный короля. Он идеально сидит на нем, подчеркивая мужественность. Его лицо искажено гневом, но от красоты становится трудно подобрать слова, а во рту пересыхает. Несомненно, он самый красивый мужчина, которого я когда-либо видела. Ошеломленная, ничего не могу с собой поделать, замороженно любуюсь густыми, черными как смоль волосами, зачесанными назад. Безупречность лица подчеркивает четкий контур челюсти. Под густыми изогнутыми

бровями — от природы черные длинные ресницы, обрамляющие оранжево-желтое пламя в глазах. Властный профиль дополнен широким длинным носом, крылья которого раздуваются от гнева. Рот — еще одно доказательство того, что создатель не торопился во время создания его внешности; пухлые губы являют собой симметричное совершенство. Но волнами исходящий от него гнев вынуждает меня сражаться за остатки разума, который померк с его внезапным появлением.

Он — дьявол в костюме от Армани, с которым я никогда не должна была встретиться.

И угроза для меня.

Схватив со столика пульт, я с силой нажимаю кнопку регулировки громкости и в поисках верха от купальника бормочу себе под нос:

— Я не... не знала, что придешь ты. Я н-не знала, что ты вообще существуешь.

— Ты и не должна была. — Его едкое замечание как кислота, которую он заливает мне в глотку, отчего становится трудно дышать.

Из тебя отвратительная сирена, Сесилия.

Я бросаю взгляд на помост в безуспешных поисках топа, а затем скрещиваю руки на груди, чувствуя, как от унижения горит лицо.

— Тогда для чего было утруждаться и заявлять о своем существовании сейчас?

— По всей видимости, ничего нельзя сделать, чтобы эти два кретина не начали думать членом вместо мозгов. — Его губы раздвигаются, обнажая зубы. Я вижу острые клыки. Он... рычит?

— Из-за врага? — Я качаю головой. — Я тебе не враг.

Мужчина клацает зубами. Его взгляд полон осуждения.

— Нет, ты не враг. Просто извлекаешь выгоду из грязных денегат своего папаши.

— О, как отрадно видеть отвращение в твоих глазах. Я уж было заволновалась, что ты пришел с другими намерениями.

— Я не трахаюсь с малолетками, — акцент подчеркивает его укор. — И я прекрасно знаю, что ты трахалась с моими парнями.

Его слова жалят, но я не показываю этого.

— Только с двумя. И судя по тому, что я вижу, тебе бы тоже не помешало извлечь выгоду из этого небольшого отступления от намеченного плана. Ты ужасно напряжен.

Мужчина раздраженно засовывает руки в карманы брюк.

— Какого черта ты здесь делаешь?

— Мне нужны ответы. Я хочу знать, что моему отцу ничего не угрожает.

— Я не могу этого гарантировать.

— Но ты не станешь ему вредить?

От его раздумий у меня волосы встают дыбом.

— Не физически. Но да, во всех остальных смыслах.

— А мне?

— Это не имеет к тебе отношения.

— Теперь имеет.

— Нет. Я об этом позаботился. — От его самодовольного ответа меня осеняет.

— Это из-за тебя... это *ты* заставил их меня сплавить.

В голове быстро вертятся шестеренки, когда я вспоминаю слова Дома, сказанные им несколько дней назад.

«Мы пытались донести свою позицию, но не смогли».

Кто-то с собрания доложил ему, что я здесь. Потому что стоящий напротив мужчина — тот, перед кем Шон и Доминик отчитываются.

Между нами повисает молчание, прежде чем враждебно настроенный незнакомец заговаривает:

— Ты не должна была сюда приезжать.

— Ты знал обо мне. Вы все обо мне знали.

Ну разумеется. Самое главное правило: знай своего врага и его слабости. Но для них я была девчонкой, которая жила далеко и не представляла опасности для их планов. Еще одна причина, почему Шон сомневался, стоит ли брать меня с собой.

— А ты, собственно, кто такой?

Тишина.

— Зачем заявился сюда *сейчас* и говоришь со мной?

Он продолжает хранить молчание, пока я все обдумываю.

«Кое-кто не смог сохранить секрет».

Кто-то из людей доложил о моем приезде — вот и причина, по которой Шон с Домиником так поступили. В ночь, когда парни устроили мне травлю, они старались через приглашенных в гараж отправить сообщение смотрящему на меня мужчине.

Щелк. Щелк. Щелк.

— Вот почему я была секретом, — шепчу я. — Ты не знал, что я приеду. Ты знал, что мы с Романом не общаемся. — В его глазах появляется огонь, а мои губы расплываются в самодовольной улыбке.

Теперь ясно, почему он так зол.

— Ты даже не подозревал о моем приезде, потому что я приняла решение в последнюю минуту. Они меня спрятали от тебя, и я осталась незамеченной. — Чувствую подступающее волнение. — Тебе известно не все. Каково это?

Мужчина угрожающе делает шаг вперед.

— Ты ни черта не понимаешь, так что прекращай прикидываться крутой девчонкой и веди себя *серьезно*, потому что я даю тебе всего две минуты.

Я так и делаю. Отбрасываю притворство, потому что сражаюсь не только за свою гордость.

— Я вовсе не такая сука, какой ты меня считаешь.

— Мое мнение о тебе не важно.

— А я думаю, важно. Очень важно. Ведь ты не подпускаешь меня к моим...

— Сесилия, найди других парней для постельных утех. — Его пухлые губы произносят мое имя с отвращением. Он считает меня угрозой, занозой в его зверской заднице и, скорее всего, поломкой в идеально слаженном механизме. Но я осталась незамеченной, поскольку не приезжала сюда восемь лет, к тому же Шон с Домиником умело скрыли меня от него.

И я не могу побороть дрожь, которая пробегает по телу при этой мысли.

— Ты можешь ненавидеть его, можешь ненавидеть моего отца, но сейчас ведешь себя в точности как он. Как двинутый на контроле человек с манией величия, лишенный сострадания.

Он смотрит на меня с яростью.

— Следи за языком.

— А то что?

Возвышаясь надо мной, он бросает предупреждающий взгляд.

— Не советую меня злить.

— А сейчас ты не злишься? И кем ты себя, черт подери, возомнил? По какому праву говоришь мне такое? Может, у тебя на руках больше карт, но ты недооцениваешь меня. Если хочешь от меня лояльности и молчания, в твоих же интересах играть по правилам.

Мужчина не отвечает, но в его поведении чувствуется резкая перемена, и ее достаточно.

А вот это я зря сказала. Теперь, когда я произнесла эти слова, мне вообще нельзя доверять. Я предала Шона и Доминика, сыграв на руку этому говнюку. Он

пытается во всем найти слабые места, извратить ситуацию, доказать им, что они совершили ошибку, доверившись мне. Доминик был бы очень разочарован.

В голове прозвучала фраза Доминика, сказанная Шону, когда я в бешенстве вылетела из их дома.

«*Она негостаточно сильна*».

«Дай ей немного времени».

Испытания, которым они меня подвергли. Приводящие в бешенство перепалки между мной и Домиником. Все это время Шон обучал меня тому, во что верил сам, во что верило Братство, а Доминик провоцировал и искажал мои слова. Решив допустить к своей тайне, они готовили меня к подобному противостоянию. Все их действия были связаны со стоящим напротив мужчиной. Пока мы скрывались, они готовили меня к неприятностям под названием Француз. Его возвращение было неизбежным.

— Я умею хранить секреты. Мне просто нужно знать план.

— Тебе не будет отведена во всем этом роль только потому, что ты оказалась здесь. *Они* приняли неверное решение и знают об этом. Ты трахалась с ними, но это не дает тебе права голоса. К тому же я и так знаю, что ты никому не расскажешь, — с уверенностью заявляет он. — Но из собственных заблуждений.

— Каких еще заблуждений?

— Из-за твоей верности им. — Он кивает в сторону леса. — И неумения отделить личные чувства от дела вместо того, чтобы примириться с мыслью, что Роман совершил непростительные поступки и заслуживает наказания. Так что просто забудь, как забыли *они*, и... живи своей жизнью.

— Это приказ?

— Нет, это совет, — огрызается он, — который тебе следует принять во внимание.

Мне удалось вывести его из себя, что можно было бы счесть хорошим знаком, не будь я в его власти.

— Я просто хочу с ними увидаться.

— Об этом и не мечтай.

— Я не папенькина дочка, которая разозлилась из-за того, что потеряла парней, с которыми спала. Поговори с ними. Они расскажут обо мне. Они поручатся за мою порядочность.

Он окидывает меня брезгливым взглядом.

— Я и без того достаточно знаю.

Я опускаю руки, назло ему открывая свое нагое тело. Не позволю ему стыдить меня за то, о чем он не знает, или чувствовать неловкость, от которой избавлялась все лето. Мои усилия остаются незамеченными, поскольку его взгляд прикован к моему. Мы смотрим друг на друга, стоя по разные стороны баррикады, которую он между нами возвел.

— Ты действительно так поступишь?

— Мы живем в разных реальностях, и ты родилась в своем мире. Если ты обо всем забудешь, я не буду иметь к тебе претензий. Сесилия, для тебя невежество поистине благодать. Будет полезно, если ты это запомнишь.

— Даже если мы с отцом отдалились друг от друга, я не хочу, чтобы он пострадал. Если ты поручишься за его безопасность, я смогу тебе помочь.

— Я не раздаю обещаний. У него полно врагов, которые не имеют ничего общего с нами. Это бизнес.

— Не для меня.

— Это твоя проблема.

— Так что, черт возьми, мне делать?

Проигнорировав меня, мужчина разворачивается в сторону леса.

— Сходи на маникюр.

Негодую, тянусь за первым попавшимся предметом, и им оказывается бутылочка с лосьоном, кото-

рую я в него швыряю и попадаю прямо в спину. Он резко поворачивается ко мне, я взвизгиваю, пятаюсь назад к креслу, и приземляюсь на задницу. Мужчина рывком поднимает меня за руку. Происходящее между нами не химия — это раскаленное пламя, полное ненависти, обиды и затаенной злобы, которые никак со мной не связаны. Этот человек ни на что не намекает. Он презирает сам факт моего существования.

— Еще раз так сделаешь, церемониться не стану. — Под его янтарного цвета взглядом в груди пылает пожар, мужчина сжимает мою руку. Еле сдерживаюсь, чтобы не захныкать.

— Я даже не знаю, как тебя зовут, но ты совершаешь ошибку. Ты вел войну за людей вроде меня. Вроде моей матери. *Помимо прочего*, Шон и Доминик — мои друзья, я хочу им помочь. Они были тебе верны. Ты можешь ненавидеть Романа, но я тут ни при чем. Я ничего не знала. До сих пор не знаю.

— Ты *была* ни при чем, но это изменится, если продолжишь напирать. Ты слишком легкая добыча. — Его оскорбление задевает за живое, он сыплет соль на еще незажившие раны. — Ты слишком юна и наивна. Верила всему, что они тебе говорили, но теперь настала пора признать, что они получили от тебя все, что им было нужно.

Доступ. Я была способом получить доступ. Внутри все переворачивается, когда я вспоминаю, как Шон вернулся после нашей ссоры с извинением. Вслед за Шоном, пока он меня отвлекал, в дом вошел Доминик. Возможно, я дура, но...

— Я не шлюха!

— Ты убеждаешь свою совесть, не мою.

Но после того дня все изменилось. Возможно, до него я была целью, но после стала выбором. Они

впустили меня в свой мир, потому что сами этого захотели. В этом я уверена. Шон сам в этом признался. Он рисковал всем. Спал со мной, хотя это все равно что спать с врагом, посвятил меня в тайны, привязав к ним, и оставался со мной, рискуя доверием и местом в Братстве.

Если мне до сих пор не хватало доказательств их чувств, то теперь их достаточно.

— Они дороги мне. *Очень*. Просто позволь мне принять участие.

— Если это правда, перестань быть такой конченной эгоисткой. Они тебя отпустили, ты должна повзростеть и сделать то же самое.

— У тебя не получится нас разлучить!

— Ты прекрасно знаешь, что это не так. Тебе перестанут открывать двери. Никто с тобой не заговорит. Сейчас, с этой минуты... тебя больше не существует. И никогда не существовало.

Меня колотит от гнева, когда я выплевываю слова:

— Да пошел ты, сукин сын, доморощенный Робин Гуд из сраного захолустья! — Я вырываю руку, и он меня отпускает. — Проваливай к чертовой матери!

Мужчина отступает, засунув руки в карманы брюк. Его глаза горят ярким пламенем, а голос отдает холодом.

— Именно по этой причине я не хочу, чтобы ты была рядом с нами.

Я поднимаю руку.

— Умоляю, ты хочешь изгнать меня из племени, воспользовавшись в качестве предлога моими критическими днями? Ты и твоя компаньонка народных мстителей должны быть благодетелями всего человечества, не так ли? А мы должны быть благодарны вашей группе мудачков? — Я фыркаю. — Что ж, позволь поблагодарить тебя от лица хищников, вооруженных

вагинами. — Я делаю реверанс. — *Огромное* спасибо, но повторю еще раз: я тебе не враг.

Я вздергиваю подбородок.

— Они доверяли мне, потому что знали, мне по силам с этим справиться. Они в этом убедились. Они доверяли мне, потому что я люблю их, и знали, что я всегда их прикрою. Пренебрегай этим сколько хочешь, но любовь подтверждает мою преданность и помогает мне защищать их любой ценой, как они защищают меня. *И тебя.*

От моего признания на его лице появляется что-то похожее на одобрение, но быстро исчезает.

— Ты не должна была быть в этом замешана.

— Но теперь я здесь, так позволь мне сыграть свою роль.

— Две минуты истекли. — Он поворачивается и идет к лесу. Я повышаю голос, зная, что никакими ухищрениями его внимание уже не вернуть.

— Я правда их люблю. Возможно, они облажались, но меня привлекла их преданность тебе и твоему делу, всему, за что вы сообща боретесь. Они не рассчитывали, что полюбят меня, изначально желая использовать в своих целях, но я стою здесь и сражаюсь за то, чтобы быть рядом с ними, как раз потому, что им не удалось меня обмануть. Я злюсь на них, но понимаю. Они заставили меня понять. И, может быть, это дело никак со мной не было связано, но теперь оно имеет ко мне самое непосредственное отношение. Пожалуйста. Позволь. Мне. Помочь.

Я вытираю слезы слабости и смотрю на него. Этот величавый и жестокий мужчина значительно превосходит все, с чем я ожидала сегодня столкнуться. Я надеялась увидеть свое золотое солнце или темное облако. Мысль, что я больше никогда их не увижу, невыносима. Я умоляю, но мне не следует этого делать.

Я должна собрать вещи, навсегда попрощаться с этим городом и уехать. К черту отца и его деньги. Мы не близки, и я могу найти иной, более безопасный способ позаботиться о матери. Но стоит этой идее прийти мне в голову, как перед глазами встают Шон и Доминик, а страх перед неизвестностью парализует меня. Я не могу заставить себя уехать. Пока нет.

— Я верю во все, что вы делаете, во все, за что сражаетесь. Я хочу быть частью этого. — Это правда, но, боюсь, я заговорила слишком поздно.

Повернувшись спиной, он вытаскивает из кармана мой топ и кидает его на помост.

— Я подумаю над этим.

Его решение подтверждают первые признаки осенней прохлады. И ответом служит молчание, которое всегда означает одно — нет.

Прошло всего несколько недель после моего конфликта с враждебно настроенным незнакомцем, но именно свежий морозный воздух служит сигналом, что все кончено. Больше никаких встреч под летним ночным небом с Домом, никаких длительных походов с Шоном. Моя любовь, привязанность, верность и преданность ничего не значат.

Конец сезона знаменует финал всему, к чему я успела привязаться за время своего проживания в Трипл-Фоллс. Прошло немногим более трех месяцев, а я уже чувствую изменения в себе и своем характере. Я уже не та любопытная девчонка, которая приехала сюда в начале лета.

Моя реальность меняется так же быстро, как окружающая меня листва в разнообразии коричневых, ярко-красных и золотистых оттенков. И в нынешнем состоянии я не в силах оценить ее красоту — только посыл.

Лето не вечно.

Все кончено.

На этой неделе я начала учебу в местном колледже и с головой ушла в занятия. Теперь, когда Шон уволился, смены на заводе изматывали еще сильнее. Он уволился после того, как оставил меня в том кабинете.

Всего раз я поддалась любопытству и прошла по заросшему травой заднему двору Романа на лесистую поляну, где была встречена полной тишиной. Скамейки для пикника исчезли, и поляна быстро заросла травой. словно ничего не было. Если не считать выросшей травы и шелеста листьев, признаки жизни отсутствовали.

Загар сошел, а еще я потеряла в весе. Тело иссохло, как и мое увядшее сердце, которое жило лишь воспоминаниями о прошедших месяцах — месяцах, когда улыбки при встрече не казались обязательством.

Порой облегчение мне приносят сны. Сны о долгих прогулках в тумане, о пылких взглядах, грозах и пленяющих поцелуях. Пробуждаясь, я чувствую, как ноет мое тело, болит, скорбит.

Неожиданно, но меня поддерживала Мелинда во время нескончаемых смен, посвящая в новости Трипл-Фоллс, но старательно избегая разговоров о тех, про кого хотелось услышать больше всего.

Да и вряд ли ей было что-то известно.

Шон сказал, что все исправит, но предлогом прозвучало «однажды».

Однажды.

Термин такой расплывчатый, такой вольный в трактовке, что каждый день казался наказанием.

С каждым днем я все яснее понимаю, что мне дали не обещание и не клятву, а скорее надежду.

Причина моего разбитого сердца — два фантома, которые преследуют меня во снах. Я выполнила просьбу Шона. Ни разу не ездила в гараж, ни разу не пыта-

лась написать им. Ни к чему. Они приняли решение и объявили о своей верности. Наше лето ничего для них не значило. Я ничего для них не значила, раз не смогла изменить их план.

Во всяком случае, их молчание заставляет меня чувствовать себя именно так.

Кристи не дает мне сойти с ума долгими разговорами по «Фейстайму». О наших планах и намерениях через год воплотить их в жизнь. Такая перспектива немного меня утешает. Это должно было стать всего лишь конечной точкой, а в итоге оказалось отправным моментом, вот только сейчас мне некуда приземлиться безопасно для самой себя.

Чем дольше они хранят молчание, тем сильнее разбивается мое сердце.

Я словно во сне проживаю каждый день, стараясь делать, что могу, но каждый шаг, каждое тиканье часов тянет меня на дно, как валун на линии прилива. По утрам я прогоняю свои сны, решив уберечь сердце, словно они еще не разорвали его на части. Но с каждым опавшим листом от сердца откалывается осколок и звенит у меня в груди.

Я такая дура, раз решила, будто знала до встречи с ними, что такое разбитое сердце. Возможно, так оно и было, но до этого лета я никогда не чувствовала, что потеряла частичку себя.

Я — тень прежней себя, живущая воспоминаниями и мечтами, упивающаяся бесконечной болью и муками от того, что потеряла их. Я балансирую на краю, снова забывая про свои нужды. Я вернулась с намерениями избавиться от дурных привычек, но не ожидала, что прощу Шона и Доминика. Не ожидала, что время сыграет решающую роль, станет причиной их отпустить.

Однажды.

Сегодня я заставила себя вылезти из постели и машинально оделась, намереваясь попробовать провести несколько часов, выкинув из головы все мысли о парнях. Подъехав к центру города, я с трудом нахожу место на парковке, а затем присоединяюсь к толпе жителей Трипл-Фоллс и туристов, которые вылезают из машин с предвкушающими улыбками. Мелинда без умолку болтает о яблочном фестивале, и когда я заворачиваю за угол и осматриваю площадь, едва сдерживаю смех.

Это больше похоже на уличную ярмарку для бедняков. Провинциальное сборище уличных торговцев, сбывающих ассортимент местных кафешек, и художников, выставивших свои работы под тентами. Это совершенно не похоже на мероприятия в крупных городах, но, оказавшись тут, я нахожу, что у здешней ярмарки имеется свое очарование. И, разумеется, здесь есть яблоки, выращенные и собранные местными фермерами. От взгляда на логотип плодового сада, где мы с Шоном провели полночное свидание, у меня подкашиваются ноги. Чем дальше я прохожу, тем сильнее начинаю жалеть, что вообще сюда пришла. С каждой секундой мысль вернуться к машине становится все более заманчивой. В голове роятся воспоминания о том, как меня боготворили среди диких деревьев. Они душат и напоминают, что я не та, кем была раньше, и, возможно, никогда уже ей не буду. Вместо того чтобы быстро ретироваться, я медленно иду по тротуару вдоль магазинов, примыкающих к фестивальным тентам. И резко останавливаюсь, когда открывается дверь тату-салона и оттуда вываливается компания парней. Услышав «а я тебя знаю», поднимаю глаза и смотрю на знакомое лицо.

Спустя пару секунд вспоминаю, где его видела.

— ЭрБи, если не ошибаюсь?